

— В порядке вещей, говоришь?! — взревел Ли Удуань, багровея от гнева, но тут же понизил голос. — Ничего-то ты не понимаешь! Цзюнь-эр — принцесса! В будущем ей предстоит выбрать супруга! А если эта тварь... если она её развратит, что тогда?!

Управляющий сдержался и сказал:

— Особа та выглядит вполне благородно, не уступит и знатным барышням из Цзянчжоу.

Ли Удуань отмахнулся:

— Ладно, ступай. Если о сегодняшнем происшествии просочится хоть слово — гроб себе готовь.

Управляющий молча склонил голову:

— Слушаюсь.

Ли Удуань принялся вздыхать, лицо его покрылось морщинами забот. Подумал он и о том, что, не будь в столице её родни, Цинь Цзюнь не свернула бы на кривую дорожку, не научилась бы всему этому... Сердце его сжималось то от гнева, то от печали, пока не переполнилось чувством вины. Он готов был расплакаться: «Тётушка... Род Ли подвёл тебя...»

— Мы же виделись в день жертвоприношения предков, в четвёртый день, в Великом храме, — сказал Цинь Куан, под глазами у него лежали тёмные круги. — Почему ты снова покинула дворец?

Цинь Цзюнь, откусывая понемногу, ответила:

— Бегу от княгини из Жуди. Заодно и посмотрю, как идёт подготовка к Празднику на воде. Драгоценная наложница в курсе, тебя не наругает.

Цинь Куан безучастно кивнул, палочки для еды замерли в воздухе, а взгляд уставился в пустоту.

— Что с тобой, братец? — спросила Цинь Цзюнь, поднимая чашку, чтобы скрыть своё смущение.

Цинь Куан, казалось, ещё больше похудел. Он покачал головой:

— Ничего...

Цинь Цзюнь вздохнула:

— Четвёртый брат, утром, когда я выходила, наложница велела передать тебе: через пару дней в Павильоне Величия Феникса будет скромная трапеза. Ты должен явиться.

Аппетита у Цинь Куана не было — пара движений палочками, и он отложил их в сторону.

— Трапеза? Опять что-то случилось?

— Кажется, младшая дочь из Юньаньского княжества тоже прибыла. Видимо, хотят сосватать тебе невесту, — сказала Цинь Цзюнь.

— Какое ещё Юньань, какая дочь... — пробормотал Цинь Куан, не чувствуя вкуса еды. — В моём сердце уже есть та, кем я восхищаюсь.

Цинь Цзюнь лукаво сузила глаза:

— Кто же?

Цинь Куан, погружённый в свои мысли, ответил:

— Она исчезла... Я всё ещё ищу её...

Цинь Цзюнь сжала губы, у неё тоже пропал аппетит. Она взяла салфетку, промокнула губы и прополоскала рот.

— Мне ещё нужно выполнить поручение наложницы, так что не буду тебе мешать.

Цинь Куан кивнул:

— Ступай.

Цинь Цзюнь отправилась обойти оба берега реки, где готовился Праздник на воде. Верхняя столица была переполнена, праздничное настроение витало в воздухе, повозки и паланкины едва двигались, так что Цинь Цзюнь пришлось идти пешком. К тому времени, как она, завершив обход, вернулась в Двор Бамбука, уже снова сгущались сумерки.

С ней было четверо: две служанки и двое охранников — все люди крайне осторожные на язык. Цинь Цзюнь не боялась, что они проболтаются о её статусе, но опасалась, что дворцовые привычки кого-нибудь из свиты могут её выдать. Поэтому она оставила служанок и стражников во внешних покоях, а при себе держала лишь Цзиньсю.

Когда с ворот доложили, что прибыла госпожа, в усадьбе не посмели медлить — вино и яства тут же понесли в главный зал.

— Сколько яств... — проговорила Цинь Цзюнь, пытаясь разрядить атмосферу.

Цзи Сы улыбнулась, но не села, оставаясь стоять рядом в ожидании, чтобы прислуживать Цинь Цзюнь за трапезой.

Цинь Цзюнь стало неловко. Пусть она и привыкла к роскошным нравам здешних людей, но иногда позволяла Цзиньсю и Сяо Таоцзы есть вместе с ней. Судя по всему, Цзи Сы намеревалась стоять и обслуживать её, а уж потом есть отдельно.

— Садись, поедим вместе, — предложила Цинь Цзюнь.

Взгляд Цзи Сы дрогнул:

— Эта раба не смеет.

— Неужели старший принц и вправду выглядит именно так?

В глухом переулке двое слуг, одетых в домашнее платье, сгрудились вокруг развёрнутого свитка, освещая его свечой.

— Этот портрет из покоев Царицы, — сказал Чжан Сань.

— Странно, — произнёс Ли Сы. — Если старший принц и Его Величество — близнецы, почему бы не сравнить с портретом Императора?

Чжан Сань отвесил ему подзатыльник:

— Хоть старший принц и государь — близнецы, но один пошёл в отца, а другой — в мать. Покойная Царица была ханькой, в дворце её портретов нет. Этот нарисовал министр Сыма по детским воспоминаниям.

Ли Сы кивнул. Они ещё раз внимательно изучили портрет, стараясь запомнить выражение лица, а затем достали огниво, чтобы сжечь его.

Чжан Сань и Ли Сы только-только подожгли уголок свитка, как из темноты, с свистом рассекая воздух, вылетел длинный меч и рассек портрет пополам.

— Кто?!

— Мечник!

Чжан Сань и Ли Сы мгновенно отпрыгнули, используя ци. Свиток, кружась, полетел вниз: одна половина упала на землю, другая оказалась в руках человека в маске, вооружённого мечом.

Тот, даже не глядя, скомкал свою половину и сунул за пазуху. В тот же миг и он, и Чжан Сань с Ли Сы устремили взоры на оставшуюся на земле половину, что всё ещё медленно тлела.

Мгновение — и завязалась короткая схватка. Трое сошлись в поединке в узком переулке. Место было людное, и человек в маске, используя ци, рванулся к выходу — за переулком начинался шумный ночной рынок Верхней столицы.

— Нельзя!

— Держи его!

Чжан Сань и Ли Сы, справа и слева, ухватились за его плечи. В тот же миг человек в маске оттолкнулся ногой, ослабил хватку, проскользнул между ними и потянулся к ещё тлеющей половине.

Ситуация перевернулась в мгновение ока. Чжан Сань и Ли Сы тут же развернулись, чтобы перехватить. Оставшаяся половина портрета снова разорвалась надвое. Вспыхнул огонь, и все трое, бросив взгляд, увидели: у человека в маске в руках оказалась бесполезная часть фона, у Чжан Сана — половина лица с одним глазом.

Ли Сы позволил своему клочку сгореть дотла. Чжан Сань, вращаясь, пнул ногой, Ли Сы что-то схватил сбоку и швырнул в сторону человека в маске.

Тот отбил мечом четыре серебряные иглы, отшвырнув их в стену, отскочил на несколько шагов и пнул груды черепицы в углу, обрушив её на двоих.

Чжан Сань и Ли Сы принялись рубить летящие обломки, а человек в маске воспользовался моментом, чтобы поразить их уязвимые точки и запечатать акупунктурные меридианы.

Беспорядочно кружившийся снег наконец улёгся.

Чжан Сань и Ли Сы лежали на земле, выпучив глаза, и смотрели, как человек в маске разравнивает снежное покрывало. Закончив, он неподвижно замер перед ними, отгрёб ногой осколки черепицы и неожиданно заговорил:

— Она велела оставить вам жизни. Но Госпожа говорила: «Не отпускай тигра в горы».

Человек в маске, казалось, на мгновение задумался, затем достал из-за пазухи пакетик.

— Это крысиный яд.

— ...

Он смешал яд со снегом и силой впихнул смесь в глотки обоим, после чего спокойно дождался, пока те испустят дух.

— М-м, поменьше овощей, я не люблю зелень, — проговорила Цинь Цзюнь, набивая щёки и с трудом прожёвывая лист капусты.

Цзи Сы молча наблюдала за ней и, видя, что та уже не справляется, прекратила класть еду, терпеливо дожидаясь, пока Цинь Цзюнь доест всё в своей пиале.

— Закончили? Выпейте немного супа, — сказала Цзи Сы.

Цинь Цзюнь только что проглотила очередной кусок, как перед ней поставили ещё полпиалы супа. Она уже была почти сыта, но не могла отказать Цзи Сы и принялась пить суп крошечными глотками.

Цзи Сы снова потянулась за палочками, но Цинь Цзюнь тут же остановила её:

— Подожди, погоди, я больше не могу.

Только тогда Цзи Сы убрала палочки и, глядя на Цинь Цзюнь, медленно проговорила:

— У госпожи слишком хрупкое сложение. Нужно есть больше.

Цинь Цзюнь: «...»

Аппетит у Цинь Цзюнь и так был неплохой. Но её постоянные раздумья, бесконечные мысли — всё это отнимало много сил. Если бы она ела меньше, то худела бы ещё быстрее.

Внезапно Цзи Сы протянула руку и подушечкой большого пальца резко стёрла капельку масла с уголка губ Цинь Цзюнь.

Цинь Цзюнь: «...»

Цзи Сы присела на корточки, достала из рукава платок и вытерла ей рот. Пока Цинь Цзюнь пребывала в оцепенении, она тихо проговорила:

— Из всех яств на столе госпожа не съела и половины. Так расточать пищу непозволительно.

Цинь Цзюнь сглотнула:

— Тогда впредь велю кухне готовить меньше.

Цзи Сы слегка прищурила глаза, словно одобряя её понятливость, и тут же добавила:

— Когда эта раба жила в Нефритовом тереме, ей часто приходилось голодать.

— ...

— Когда наступало время трапезы, слуги выстраивались на кухне с пиалами, чтобы получить объедки с господского стола. Все толкались, стараясь урвать побольше. Эта раба всегда умудрялась схватить больше всех. Но после еды приходили матушки и вели нас на тренировку. Им стоило лишь потрогать живот, чтобы понять, кто объелся, — и тогда они заставляли вызывать рвоту.

Цинь Цзюнь побледнела, и в желудке у неё всё перевернулось.

— Ты...

Цзи Сы улыбнулась, положила руку на живот Цинь Цзюнь и нащупала мягкий, наполненный до предела живот.

— Сегодня вы переели, — сказала она. — Впредь эта раба будет класть вам меньше. Достаточно наесться на семь-восемь десятых.

<http://bllate.org/book/16274/1465145>